

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА:

В этой книге описываются панические атаки, смерть и насилие, психологические пытки и заточение, а также содержится сексуальный контент. Надеюсь, что мне удалось обойтись с этими элементами осторожно, но, если вы считаете подобные темы тяжелыми, пожалуйста, примите это к сведению.

ГЛАВА Ө

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Это должно было произойти не так. Как и все вообще. Впрочем, разве в этом году в моей жизни было хоть что-то, что происходило бы по плану? С той самой минуты, когда я приехала в Кэтмир, столь многое оказалось вне моего контроля. Так почему сегодняшний день и этот момент должны чем-то отличаться от всего прочего?

Я заканчиваю натягивать на себя лосины и поправляю юбку. Затем надеваю любимые черные сапоги и достаю из шкафа любимый черный блейзер.

Руки немного дрожат — честно говоря, немного дрожит все мое тело, — когда я просовываю их в рукава. Но, думаю, это естественно, ведь за последние двенадцать месяцев я уже в третий раз иду на похороны. Легче со временем не становится.

Прошло пять дней с тех пор, как я выиграла состязание.

Прошло пять дней с тех пор, как Коул разорвал узы соприращения между Джексоном и мной и едва не уничтожил нас обоих.

Пять дней с тех пор, как я едва не погибла... и пять дней с тех пор, как погиб Зевьер.

Меня мутит, к горлу подступает тошнота, и секунду мне кажется, что сейчас меня вырвет.

Я начинаю глубоко дышать — вдыхаю через нос, выдыхаю через рот, — чтобы подавить тошноту и унять панику. На это уходит несколько минут, но в конце концов и тошнота, и паника утихают в достаточной мере, чтобы я изба-

вилась от ощущения, будто на груди у меня припаркована забитая под завязку грузовая фура.

Это не большая победа, но это уже кое-что.

Я делаю еще один глубокий вдох, застегивая латунные пуговицы блейзера, затем смотрю на себя в зеркало, чтобы удостовериться, что у меня пристойный вид. Да, так оно и есть... если вы готовы вольно толковать понятие «пристойный».

Мои карие глаза потускнели, кожа стала бледной. А мои нелепые кудряшки выбиваются из узла, в который я ценой немалых усилий сумела их собрать. Конечно, ведь горе не красит.

Хорошо хотя бы, что синяки, которые я заработала во время участия в Лударес, начали бледнеть и их первоначальный черно-фиолетовый цвет сменился неровным желто-лиловым, который синякам свойственно принимать перед тем, как они окончательно исчезнут. И мне немного легче от того, что Коул наконец-то исчерпал чашу терпения моего дяди и тот его исключил. Было бы неплохо, если бы в Техасской школе для сверхъестественных существ с преступными наклонностями, куда его отправили, ему пришлось столкнуться с еще худшим задирой, чем он сам... чтобы ему отплатили той же монетой.

Открывается дверь ванной, и в комнату входит моя двоюродная сестра Мэйси в халате и с полотенцем на голове. Мне хочется поторопить ее — ведь через двадцать минут нам нужно быть в актовом зале, где состоится прощание с Зевьером, — но я не могу этого сделать. Только не сейчас, когда у нее такой вид, будто ей больно даже дышать.

Я слишком хорошо знаю, каково ей сейчас.

И вместо того чтобы поторопить мою кухню, я жду, чтобы она что-нибудь сказала, но по пути к своей кровати, на которую я положила ее парадную школьную форму, она не издает ни звука. Мне тяжело видеть ее такой, и я знаю — ее синяки болят не меньше моих, только у нее они не на теле, а в душе.

С моего первого дня в Кэтмире Мэйси была весела и неугомонна, ее беззаботный нрав согревал мою душу рядом с мрачностью Джексона, ее энтузиазм был особенно заразителен рядом с сарказмом Хадсона, она была олицетворе-

нием радости, она дарила мне утешение в горе. Но теперь... теперь из ее жизни исчезли малейшие отблески света. Как и из моей.

— Тебе помочь? — спрашиваю я наконец, видя, что она продолжает смотреть на свою форму с таким видом, будто никогда не видела ее прежде.

Когда она поворачивается ко мне, ее взгляд кажется затравленным, голубые глаза пусты.

— Не знаю, почему я так... — Она делает паузу и прочищает горло, пытаясь избавиться от хрипоты, вызванной долгим молчанием, и подавить печаль, сдавившую горло. — Я почти не знала...

На этот раз ее голос срывается, руки сжимаются в кулаки, на глазах выступают слезы.

— Не надо, — говорю я, крепко обняв ее, потому что знаю, каково это — изводить себя из-за того, что ты не можешь изменить, из-за того, что ты осталась жить после того, как те, кого ты любишь, погибли. — Не пытайся умалить свои чувства к нему только потому, что ты знала его не так уж долго. Важно не то, насколько долго ты знаешь человека, а то, *насколько хорошо* ты смогла его узнать.

Она содрогается, из ее груди вырывается судорожный всхлип, и я обнимаю ее еще крепче, пытаюсь забрать хотя бы частицу ее боли, хотя бы крупицу ее печали. Я пытаюсь сделать для нее то, что она делала для меня, когда я только приехала в Кэтмир.

Она обнимает меня так же крепко, как и я ее, и слезы текут и текут по ее лицу.

— Мне его не хватает, — наконец выдавливает она из себя. — Ох, как же мне его не хватает.

— Я знаю, — успокаиваю я ее, растирая ее спину. — Я знаю.

Она плачет навзрыд, ее плечи вздрагивают, тело дрожит, дыхание то и дело пресекается, и это продолжается несколько бесконечных, томительных минут. У меня разрывается сердце — из-за Мэйси, из-за Зевьера, из-за всего того, что привело нас к этому моменту, — и я едва сдерживаюсь, чтобы не заплакать вместе с ней. Но сейчас черед Мэйси... а я должна заботиться о ней.

Наконец она отстраняется. Вытирает свои мокрые щеки. Смотрит на меня с улыбкой, которая не доходит до ее глаз.

— Нам пора идти, — шепчет она, в последний раз проводя ладонями по лицу. — Я не хочу опоздать на прощание с ним.

— Как скажешь. — Я улыбаюсь ей в ответ, затем отхожу в сторону и отворачиваюсь, чтобы она могла спокойно одеться.

Когда несколько минут спустя я поворачиваюсь к ней снова, у меня вырывается потрясенный вздох. Не потому, что Мэйси с помощью чар высушила и уложила свои волосы — к этому я уже привыкла, — а потому, что теперь они не ярко-розовые, а черные, как смоль.

— Это было неправильно, — бормочет она, поправляя их. — Ярко-розовый — это не очень-то траурный цвет.

Я понимаю, что она права, но все равно скорблю о последних крупицах, оставшихся от моей прежней, жизне-радостной и солнечной кухни. В последнее время мы все столько всего потеряли, и я не знаю, сколько еще мы способны вынести.

— Смотрятся они хорошо, — говорю я ей, потому что так оно и есть. Но этому не приходится удивляться — Мэйси смотрелась бы хорошо, даже если бы она сбрила волосы или они бы горели, а ни того ни другого с ними не произошло. Правда, с таким цветом волос она кажется еще более нежной, еще более хрупкой.

— Но чувствую я себя совсем не хорошо, — отвечает моя кухня. Она уже надевает стильные туфли на низком каблуке и продевает сережки в бесчисленные дырочки в своих ушах. И опять пускает в ход волшебные чары — на сей раз чтобы избавить свои глаза от красноты и припухлости, вызванных слезами.

Теперь ее плечи расправлены, зубы сжаты, глаза печальны, но ясны.

— Давай сделаем это. — Даже ее голос тверд, и эта непреклонность заставляет меня сдвинуться с места и направиться к двери.

Я беру свой телефон, чтобы написать остальным, что мы уже выходим, но, открыв дверь, я вижу, что в этом нет нуж-

ды. Они все стоят в коридоре, ожидая нас. Флинт, Иден, Мекай, Лука, Джексон... и Хадсон. Одни травмированы больше, другие меньше, но у всех измученный вид — как и у нас с Мэйси, — и у меня теплеет на душе.

Дела обстоят хуже некуда — мне ли этого не знать, — но одно не изменилось. Эти семеро никогда не оставят меня в беде, а я не оставлю их.

Мои глаза встречаются с холодными темными глазами Джексона, и я не могу не признаться себе, что, хотя кое-что не изменилось, все остальное изменилось навсегда.

И я понятия не имею, что мне с этим делать.

ГЛАВА 1

КТО ТВОЯ ПАРА?

Три недели спустя...

— Умоляю тебя. — Мэйси бросается на свою кровать, накрытую радужным стеганым одеялом, и смотрит на меня с мольбой в глазах. Я так рада видеть, что она наконец-то снова почти улыбается — впервые после прощания с Зевьером, — что невольно и сама улыбаюсь. Не в полную силу, но и это уже кое-что. — Ради всего святого, пожа-а-а-алуйста, избавь этих парней от мучений.

— Это будет нелегко, — отвечаю я, уронив свой рюкзак на пол рядом с письменным столом и тоже плюхаясь на кровать. — Ведь в этих их мучениях виновата не я.

— Это вранье, причем колоссальное. — Моя кузина фыркает, затем приподнимает голову ровно настолько, чтобы я смогла увидеть, как она картинно закатывает глаза. — Именно ты — и притом на все сто пятьдесят процентов — виновата в том, что все последние три недели и Джексон, и Хадсон хандрят, тоскливо слоняясь по школе.

— По-моему, у Джексона и Хадсона есть масса причин хандрить и тоскливо слоняться по школе, и только половина этих причин связана со мной, — говорю я... и тут же начинаю жалеть о своих словах.

Не потому, что это неправда, а потому, что теперь я вынуждена смотреть, как чуть заметный румянец, окрасивший было щеки Мэйси, постепенно исчезает. Сейчас она так не похожа на ту девушку, с которой я встретилась в ноябре, трудно поверить в то, что это на самом деле один и тот же человек. Ее волосы так и не обрели свой прежний веселый цвет, и хотя смоляной оттенок, который она придала им в день прощания с Зевьером, подходит к цвету ее кожи и ее голубым глазам, он совершенно не отражает ее внутренней сути. Он имеет отношение разве что к охватившей ее печали.

Я начинаю извиняться, но Мэйси поворачивается ко мне лицом и прет, как танк:

— Я хорошо знаю, как выглядит несчастный вампир, а сейчас поблизости бродят целых два таких вампира. И, к твоему сведению, их смертоносность и их трагический настрой — это весьма взрывоопасная смесь, я напоминаю тебе об этом на тот случай, если ты еще не заметила этого сама.

— Да заметила я, заметила. — Мне приходится иметь дело с этой смесью уже почти четыре недели, и у меня все время такое чувство, будто я играю в русскую рулетку, и на кон в этой игре поставлено не что иное, как счастье остальных.

К тому же, поскольку вселенной никак не надоест измываться надо мной... похоже, Мэйси ошиблась, когда сказала мне, что Хадсон уже успел закончить школу, когда Джексон убил его. Выходит, что нет, он был близок к этому, но у него оказалось недостаточно баллов, поскольку он обучался у частных учителей вместо того, чтобы учиться в Кэтмире все четыре года. Мэйси была на несколько лет младше него, так что она пропустила эту информацию мимо ушей — да и что она вообще могла знать? Ведь после его смерти никто в школе не произносил его имя. Так или иначе, теперь, куда бы я ни пошла, он был тут как тут. Как и Джексон. Оба они одновременно и составляют часть нашей компании и нет. Оба следят за мной глазами, в которых как будто ничего нет, но в глубине таится множество противоречивых чувств. Оба ожидают, что я скажу или сделаю... *что-то*.

— Я до сих пор не понимаю, как я оказалась сопряжена с Хадсоном, — бесцветным голосом говорю я. — Я думала,

для возникновения уз сопряжения нужно этого хотеть или хотя бы быть не против. Разве это не так?

Мэйси улыбается.

— Очевидно, что ты испытываешь к нему *какие-то* чувства.

Я закатываю глаза.

— Благодарность. Я испытываю к нему благодарность. И я уверена, что этого совершенно недостаточно, чтобы с кем-то замутить.

— Выходит... — В глазах Мэйси пляшут веселые огоньки. — Выходит, ты все-таки подумывала о том, чтобы замутить с Хадсоном, да?

Я кидаю в свою кухню маленькую декоративную подушку, но она с легкостью уворачивается и смеется:

— Ну я знаю только то, что почти все в нашей школе готовы пойти на убийство, чтобы найти себе хотя бы одну пару. А ты после своего приезда умудрилась отхватить не одного, а двух суженых, две пары, что вообще не лезет ни в какие ворота.

Мэйси поддразнивает меня, стараясь разрядить обстановку, развеселить меня, но из этого ничего не выходит.

Хадсон часто сидит с нами в кафетерии и на уроках. Хотя большая часть Ордена и Флинт продолжают настороженно следить за ним, он каким-то образом сумел завоевать симпатию моей кухни, причем для этого хватило задорной улыбки и одного ванильного латте.

Собственно говоря, она одна из немногих, кто винит Джексона в разрыве наших с ним уз сопряжения, и она не скрывает, что она на стороне Хадсона. Я не могу не гадать, поддерживает ли она его потому, что считает, что он для меня наилучший вариант, или же просто потому, что он не Джексон — тот парень, который настоял на схватке с Неубиваемым Зверем, которая привела к гибели Зевьера.

Как бы то ни было, в одном она права: рано или поздно мне придется что-то со всем этим делать.

Однако до сих пор я тянула, откладывала решение... хотя бы до того момента, когда у меня появится какой-то план. Почти все время после прощания с Зевьером я только и делала, что пыталась придумать, как исправить ситуацию — как наладить отношения между Джексоном и мной, между Джексоном и

Хадсоном, между Хадсоном и мной, — но ничего не придумала. Земля подо мной превратилась в зыбучий песок, и от моих крыльев не так много проку, как можно бы было ожидать... ведь мне необходимо время от времени приземляться, а всякий раз, когда я делаю это, почва уходит у меня из-под ног.

Должно быть, Мэйси чувствует мое смятение, потому что она садится на своей кровати и от ее веселья не остается и следа.

— Да, я понимаю, что сейчас тебе приходится несладко, — продолжает она. — Я просто подначивала тебя по поводу этих двоих парней. Ты делаешь все, что можешь.

— А что, если я не знаю, что делать? — Эти слова вырываются у меня сами собой. — Я только-только начала привыкать к тому, что я горгулья, а теперь мне придется что-то делать еще и с тем, что я завоевала себе место в Круге Погибели и Безнадеги и буду коронована, когда закончу школу.

— Круг *Погибели и Безнадеги*? — повторяет Мэйси, удивленно смеясь.

— После чего меня наверняка заточат в башню, или обезглавят, или устроят мне какую-нибудь еще столь же фатальную развлекуху. — Я говорю это шутливым тоном, но отнюдь не шучу. Я не испытываю оптимизма относительно моего членства в совете сверхъестественных существ, который возглавляют Джексон и Хадсон... или относительно всего того, что с этим связано. Я имею в виду подковерную борьбу, навыки выживания в ней, а также мое сопряжение с Хадсоном вместо моего *настоящего* бойфренда в этом дивном новом мире, в котором я оказалась.

— Я по-прежнему люблю Джексона. Я не могу изменить свои чувства. — Я тяжело вздыхаю. — Но мне также невыносима мысль о том, чтобы причинить боль Хадсону, — меня убивает взгляд, которым он смотрит за обедом на меня и своего брата.

Все это кошмар, с которым невозможно смириться, к тому же после своей встречи со смертью я почти не могу спать, так что теперь мне совсем паршиво. Но как я могу расслабиться, если всякий раз, закрыв глаза, чувствую, как зубы Сайруса вонзаются в мою шею и как невыносимая боль от его вечно-го укуса распространяется по моему телу? Или вспоминаю, как Хадсон укладывает меня в неглубокую могилу и хоронит

заживо (я все еще не готова спросить у него, откуда он узнал, что надо делать). Или хуже того — и да, это действительно еще хуже, — снова вижу лицо Джексона в тот миг, когда Хадсон сказал ему, что я теперь его пара.

Эти воспоминания так мучительны, что мне хочется одного — убежать и спрятаться.

— Брось, все будет хорошо, — говорит Мэйси. Ее голос звучит неуверенно, в глазах читаются участие и тревога.

— Возможно, «хорошо» — это слишком сильное слово. — Я переворачиваюсь на спину и уставляюсь в потолок, но почти не вижу его. Вместо этого я вижу их глаза.

Две пары глаз, одни темные, другие светлые.

Они оба ждут чего-то, но я не знаю, как им это дать, они оба хотят получить ответ, а я ни малейшего понятия не имею, как его можно найти.

Я знаю, что чувствую. Я люблю Джексона.

А Хадсон, ну тут дело обстоит сложнее. Это не любовь, и боюсь, это не тот ответ, который он хочет услышать. Однако, когда он рядом, мой пульс учащается — правда, это не удивительно, ведь он объективно великолепен. К нему потянуло бы любую девушку в здравом уме. К тому же теперь между нами узы сопряжения, что заставляет меня чувствовать то, чего в действительности нет. Во всяком случае, я хочу, чтобы этого не было.

После всего, что он для меня сделал, после того как между нами, как я теперь понимаю, возникли некие узы, которые мы создали за недели, проведенные вместе, я не хочу его разочаровывать, говоря, что он для меня только друг.

Я опять испускаю тяжелый вздох. С чего я взяла, что Хадсону вообще хочется быть сопряженным со мной? Быть может, он, как и я, зол на вселенную за то, что она поставила нас в это щекотливое положение.

Мэйси тоже вздыхает, слезает со своей кровати и садится в изножье моей.

— Прости. Я вовсе не собиралась на тебя давить.

— Я расстроилась не из-за этого. Просто... — Я замолкаю, не зная, как облечь в слова смятение, мучающее меня.

— Это из-за всего, что произошло, да? — подсказывает она, и я киваю, потому что все это чертовски сложно переварить.